

24. National Archives of Armenia (NAA). Fund 52. List 1. File 5853. P. 2. *Blagodarstvennoe pis'mo glave Tsaritsynskogo Gorodskogo Upravleniya* [Letter of thanks to the head of the Tsaritsyn City Administration].

25. Nersesyan, E. (2009) *Armyanskie tserkvi Rossiyskoy imperii (1717–1917): spravochnik* [Armenian Churches of the Russian Empire (1717–1917): a reference book]. Erevan: Tigran Mets.

26. National Archives of Armenia (NAA). Fund 52. List 1. File 105. P. 1. *Dnevnikovye zapisi arkhiepiskopa Mesropa Smbatyantsa* [Diary entries of Archbishop Mesrop Smbatyants].

27. Nersesyan, E. (2009) *Armyanskie tserkvi Rossiyskoy imperii (1717–1917): spravochnik* [Armenian Churches of the Russian Empire (1717–1917): a reference book]. Erevan: Tigran Mets.

28. National Archives of Armenia (NAA). List 1. File 72. Pp. 41–42. *Korrespondentsiya arkhimandrita Eremiya v gazetu “Mshak” ob armyanskoy tserkvi v g. Tsaritsyn i prikhodskoy shkole* [Correspondence of Archimandrite Yeremia to the Mshak newspaper about the Armenian church in Tsaritsyn and the parish school].

29. Anon. (1909) *Ves' Tsaritsyn, pos. Dubovka, Sarepta i kalendar': spravochnaya kniga* [Tsaritsyn, settlements Dubovka, Sarepta and the calendar: a reference book]. Tsaritsyn: Parovaya tip. i perepletnaya F.A. Vinogradova. pp. 29–32.

30. National Archives of Armenia (NAA). List 1. File 72. Pp. 41–42. *Korrespondentsiya arkhimandrita Eremiya v gazetu “Mshak” ob armyanskoy tserkvi v g. Tsaritsyn i prikhodskoy shkole* [Correspondence of Archimandrite Yeremia to the Mshak newspaper about the Armenian church in Tsaritsyn and the parish school].

УДК 008+39+299.4

DOI: 10.24412/2070-075X-2022-2-109-120

Г.В. Семина

САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТЕЙРИЗМА В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ БАЛКАРЦЕВ, КАРАЧАЕВЦЕВ И ТУВИНЦЕВ

В работе проведен компаративный анализ, позволивший выявить общее и особенное в культово-обрядовых практиках (комплексе культа предков с погребально-ритуальными обрядами), балкарцев, карачаевцев и тувинцев. Сделан вывод, что сакральный аспект тейризма культово-обрядовых практик, сохранившийся до сих пор в данных культурах, является тем характерным базовым элементом, который формирует пространство для культурных взаимодействий на равноправной основе, то есть в межрелигиозной диалоговой форме.

Ключевые слова: культ предков, погребально-ритуальные обряды, тенгрианство, ислам, шаманизм, тибетский буддизм.

Актуальность. Все культуры этносов различны, но при этом имеют общее. Не исключение и культуры тюркоязычных народов, входящих в состав РФ и проживающих как на Северном Кавказе (балкарцев, карачаевцев), так и на Юге Сибири (тувинцев). По мнению автора, этим общим является тейризм, элементы которого присутствуют в культово-обрядовых практиках исследуемых народов номадической культуры. Без понимания общего и особенного в самоидентификации каждого этноса невозможно вести разумную культурную политику, в которой знание этноконфессиональной специфики является одним из основополагающих требований. Результаты проведенного анализа могут представлять интерес не только для специалистов: кавказоведов, тувинистов,

культурологов и религиоведов, но также и всех интересующихся историей и культурой этих народов.

Степень научной разработанности. Ранее в научных работах с разными подходами были проанализированы этногенез, различные верования и культово-обрядовые практики каждого народа в отдельности: например, в работах отечественных кавказоведов (Л.И. Лаврова, А.Я. Кузнецовой, Х.Х. Малкондуева, Х.Х. Биджиева, З.Б. Боташевой, Л.К. Текеевой) и тувиноведов (В.П. Дьяконовой, В.В. Радлова, В.А. Киселя, З.В. Анайбан, М.Х. Маннай-оол, Э.Б. Мижит, Н.О. Товуу). Исследования этих отечественных ученых стали основанием для настоящего анализа.

Цель, предмет и задачи исследования. Непосредственная цель настоящей работы заключена в поиске и обосновании общего и особенного в религиозных практиках балкарцев, карачаевцев и тувинцев как потомков древних тюрков. В качестве объекта исследования рассматривается тейризм (тенгрианство) как культуuroобразующее основание, определяющее эти тюркоязычные народы. Предметом исследования является сакральный аспект тейризма культово-обрядовых практик (комплекса культа предков с погребально-ритуальными обрядами). Некоторые элементы этих практик сохранились до сих пор как в балкарской и карачаевской, так и в тувинской культурах. В работе ставятся следующие задачи: обозначить тюркский компонент в этногенезе балкарцев, карачаевцев и тувинцев, сформировавший тенгрианское мировоззрение; выявить общее и особенное; проанализировать сакральный аспект тейризма культово-обрядовых практик (комплекса культа предков и погребально-ритуальных обрядов) традиционных культур исследуемых этносов; сопоставить исследуемые признаки; проследить вариативность религиозных воззрений в послетейрийский период как у балкарцев, карачаевцев, так и у тувинцев.

Научная новизна исследования. Компаративное исследование сакрального аспекта тейризма культово-обрядовых практик у таких тюркоязычных народов, как балкарцы, карачаевцы и тувинцы, ранее не проводилось. Имеется ряд сходных исследований по отдельности балкарцев, карачаевцев и тувинцев, сравнительный анализ проведен впервые.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили компаративный метод и метод изучения символической жизни общества У. Уорнера, который одним из сакральных аспектов культуры считал сверхъестественный контекст – взаимосвязывающее влияние духовного (веры) и материального (культово-обрядовых практик: культа предков, погребальных и ритуальных обрядов). Компаративный метод позволил выявить общее и особенное в религиозных практиках исследуемых тюркоязычных народов.

Источниковая база исследования. В качестве основного источника использовалась работа Гийома (Вильгельма) Рубрука «Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253», в которой описаны культово-обрядовые практики древних тюрков. Также в настоящей работе автор опирался на результаты исследований, отраженные в работах отечественных кавказоведов и тувиноведов.

Россия – полиэтничная страна. В ее составе объединено множество этносов, культуры которых существенно различны. Прошедшие два десятилетия XXI века показали, насколько нестабильна ситуация как в российских регионах, в частности в северокавказских республиках (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария), на постсоветском пространстве (Казахстан, Украина), так и в мире в целом: не уменьшается количество конфликтов на межэтнической и межрелигиозной почве. Без понимания общего и особенного в самоидентификации каждого этноса Российской Федерации невозможно вести разумную культурную политику, в которой знание этноконфессиональной специфики является одним из основополагающих требований. Некоторые этносы Российской Федерации – потомки тюркоязычных народов – в своем культуuroгенезе пошли абсолютно различными путями. Это выразилось, например, в формировании их

религиозных систем, на которые оказали влияние и процессы этногенеза, и ландшафт с природно-климатическими условиями, и историческая судьба. Если в архаичный период древние тюрки и затем их потомки поклонялись Богу Неба – Тейри, то в дальнейшем одни стали православными христианами, другие – мусульманами, третьи – неошаманистами/буддистами, соединив в историческом развитии разнородные вероучительные и культовые положения.

Этноконфессиональные воззрения, как известно, оказывают огромное влияние на менталитеты этносов и формируют их мировоззрения. Анализ древних религиозных воззрений (тейризма) и их культово-обрядовых практик поможет объяснить произошедшие изменения. Результаты такого исследования будут способствовать прогнозированию верных решений в возможных конфликтных ситуациях на религиозной почве. Следовательно, изучение культур этносов в целом, а религиозных воззрений и их культово-обрядовых практик в частности позволит правильно понимать их этнические менталитеты и на этом знании планировать адекватную современным условиям концепцию культурной политики, проводимой в соответствующих регионах.

В качестве методологической основы настоящего исследования, помимо основного метода компаративного анализа, использован метод американского антрополога Уильяма Уорнера, созданный им для изучения символической жизни общества, в котором значения символов едины внутри каждой группы. В своем труде «Живые и мертвые» У. Уорнер применил полученный им опыт исследования австралийских аборигенных обществ, положенный в основу метода, к задаче достижения лучшего понимания современных социумов и их культур [1]. Суть метода в том, что символы связывают между собой разные поколения, способствуя тем самым преемственности коллективного опыта. Изучив культуры австралийского аборигенного и современного американского обществ как тотальных символических систем, исследователь сделал вывод о том, что одним из аспектов совершенно разных культур является сверхъестественный контекст – взаимосвязь человека с миром сакрального через религиозные представления, связывающие людей с Богом и священными объектами в естественном и сверхъестественном мирах.

Некоторые тюркоязычные народы Северного Кавказа и Юга Сибири. В настоящее время потомки тюркоязычных народов проживают во всех частях мира. Изначально тюркский этнос формировался в среде смешанных европеоидно-монголоидных форм, поэтому при своем расселении на запад он нес как монголоидные признаки, так и брахикранный европеоидный комплекс [2. С. 94]. По своему вероисповеданию большинство потомков древних тюрков на территории РФ являются верующими мусульманами суннитского толка (балкарцы, карачаевцы, ногайцы, кумыки), однако есть среди них и мусульмане-шииты (например, азербайджанцы), а также православные христиане (чуваши, часть якутов, гагаузов, алтайцев и татар), бурханисты (алтайцы), тибетские буддисты (часть тувинцев), неошаманисты (часть якутов, тувинцев, хакасов и алтайцев) и тенгрианцы (часть хакасов и якутов). На такое дальнейшее многообразие и религиозную разветвленность влияние оказывали как этногенез со сформировавшимися в его процессе определенными формами хозяйствования и специфическими культурно-хозяйственными типами, так и диффузионные процессы взаимодействия с окружающими народностями соседних территорий.

Так, например, такие тюркоязычные племена, как огузы, в процессе своего развития при смешении с малоазийским местным населением образовали современный турецкий народ; потомки же тюрков-тугю, уйгуров, кыргызов, монголов, а также самодийские и кетоязычные племена, по мнению ученых-тувиноведов, приняли участие в формировании тувинского народа (народа тыва), который антропологически принадлежит к монголоидной расе и состоит из западных и небольшой части восточных тувинцев-тоджинцев [3]. Большинство тувинцев проживают в Республике Тува, их тувинский язык относится к тюркской группе (уйгурской) алтайской семьи, близкий к якутскому

и карагасскому. В их этногенезе имеют место как тюркский компонент, так и монгольский, и самодийский [4].

Такие представители древних тюрков, как хазары, кыпчаки, печенеги, болгары, мигрируя по огромной территории, оказались на Северном Кавказе, расположились в горных районах Балкарии и Карачая и, смешавшись с местным автохтонным населением, образовали балкарский и карачаевский народы (общее самоназвание таулула – горцы; малкъарлыла, т.е. балкарцы; кърачайлыла, т.е. карачаевцы), проживающие в горных ущельях и предгорьях Центрального Кавказа (с восточной стороны Эльбруса в Кабардино-Балкарской республике балкарцы, с западной в Карачаево-Черкесской Республике – карачаевцы). Антропологически они принадлежат к европеоидной расе. В отечественных исследованиях традиционных культур Северного Кавказа балкарцы всегда рассматривались в неразрывной связи с карачаевцами, считавшимися настолько близкородственными, что их даже принято считать одним народом.

В этногенезе балкарского и карачаевского народов параллельно развивались три основных слоя: древнетюркский, кавказский и христианско-осетинский. На это указывает не только язык, относящийся к тюркской группе алтайской семьи (диалектические различия незначительны), но и этнографический материал: «балкарцы и карачаевцы, обитавшие на Северном Кавказе, произошли от тюрков до нашествия монголов, то есть тюркский компонент являлся доминирующим» [5. С. 41].

Таким образом, у исследуемых народов (у балкарцев, карачаевцев и у тувинцев) в этногенезе имеется тюркский компонент, который оказал огромное влияние на формирование их традиционных культур, а тейризм стал базовым элементом их религиозных воззрений. Религиозная идентичность этих тюркоязычных народов развивалась на определенном тенгрианском мировидении, прослеживающимся в культово-обрядовых практиках с различными ритуалами и догмами.

Тейризм и культово-обрядовые практики в традиционной культуре. Религиозные воззрения народов являются частями их этнокультур, в которых процессы формирования этноконфессиональной идентичности развивались на протяжении многих столетий. Можно сказать, что в настоящее время менталитет этноса представляет собой составную часть их культуры, определяющей коллективную и индивидуальную картины мира, с собственным образом Бога и с исходящим из религиозных чувств самобытным инвариантом.

Основой культуры тюркских народов является достаточно продолжительный этап в их истории – тейризм с культом неба, прослеживающийся в этнической мифологии каждого тюркоязычного народа. Во главе пантеона воплощено небесное начало – творец Вселенной – верховное божество Тейри (Тенгри по-балкарски, по-карачаевски и Дээыр по-тувински), наделенный универсальными космическими функциями, согласно которым каждой соответствует свой Тейри: Тейри Солнца, Тейри Земли, Тейри Неба. «Он был известен и тем тюркским народам, которые обитали в домонгольское время на Северном Кавказе», то есть балкарцам, карачаевцам, кумыкам и ногайцам [5. С. 65]. Это отмечает в своих исследованиях и российский кавказовед Х.Х. Малкондуев: «мифология карачаевцев и балкарцев унаследовала культ Тейри у древнетюркской этнокультурной среды. Эти народы, несмотря на синтез ряда верований в их среде, долгое время оставались в основе своей язычниками» [6. С. 24]. Таким образом, выявленные элементы тейризма в религиозных воззрениях балкарцев и карачаевцев указывают на наличие в них тюркского компонента.

У такого коренного народа Юга Сибири, как тувинцы, в религиозных воззрениях также наблюдалось признание наличия Бога-Творца – Тейри. Этот вывод сделан на основании исследований таких ученых-тувиноведов, как Н.Ф. Катанов, Ф.Я. Кон, Л.П. Потапов, В.П. Дьяконова, С.И. Вайнштейн и результатов анализа ими материалов древней тувинской мифологии. О длительном периоде тейризма у тувинцев пишет и исследователь Э.Б. Мижит [7]. По-тувински Тейри – это Дээыр, создавший трехслой-

ную Вселенную с верхним, средним и нижним мирами. Именно Тейри создал окружающий мир живым (деревья, камни и др.), а «...затем он создал новых людей, которые должны были заселить землю» [8. С. 357].

Так же, как основу языка этих этносов составляет тюркский компонент, так и все формирование их религиозных воззрений основано на идентичном древнетюркскому культу предков и обязательном погребальном культе – своеобразной исторической памяти, позволившей потомкам узнать о жизни и вере предков (данные приведены в таблице 1). Истоками его формирования стал поиск человеком ответа на вопрос о бессмертии души и месте обитания ее после смерти. А, возможно, размышления о жизни божеств стимулировали человека к этим исканиям. И поэтому здесь можно согласиться с утверждением У. Уорнера, что сакральный мир мертвых всегда был связан с профанным миром живых посредством культово-обрядовых практик – своеобразных знаков с множеством символических значений [1].

Таблица 1

Сравнительные признаки сакральных аспектов религиозных практик балкарцев, карачаевцев и тувинцев

Признаки	Тувинцы	Балкарцы и карачаевцы
Культе предков	Поклонение умершим предкам	
Отношение к смерти	Вера в загробную жизнь со всем тем, что было нужно и в земной жизни	
Погребальные обряды	Несколько видов захоронений: подземное/наземное, огненное (у буддистов) и воздушное (у шаманистов)	Захоронения рядовых общинников в обычных грунтовых могилах и каменных ящиках. Для знати строились монументальные склепы – мавзолеи из хорошо обработанных камней
Ритуальные обряды	Промысловый культ, культ духов	Культе аксакал/теке, культ боран келди
Религиозные воззрения прошлого	Поклонение объектам природы – истоки в тейризме	
	Поклонялись священным деревьям, особенно лиственнице. Почитали горы как старших родственников и целебные источники «аржааны»	Почитали горы, камни и деревья: «Джангыз терек» – одинокое дерево в ауле Хузрук КЧР, «Раубаза» – священное дерево в ауле Шурдет КБР, «камень Апсаты» – священный камень в ауле Чегем КБР, «Байрым таш» и «Чоппа таш» – камни в ауле Учкулан КЧР
Религиозные воззрения современные	Тибетский буддизм (ламаизм) и неошаманизм	Ислам суннитского толка

Мир мертвых для всех тюркоязычных народов был досягаем, так как граница двух миров ощущалась ими достаточно зримо и осязаемо: обожествляя своих умерших предков, они обращались к ним за покровительством и защитой в культово-обрядовых практиках. Например, посредством войлочных кукол, о которых еще упоминал французский путешественник Гильом (Вильгельм) де Рубрук в своем труде [9. С. 130]. Он описывал, как древние тюрки наряжали их в красивые дорогие одеяния и, ассоциируя с умершими предками, поклонялись им.

Истоки культа предков основаны, конечно же, на естественном страхе перед смертью, что и порождало веру в души умерших. Веря в загробную жизнь, они тем самым признавали акт смерти как переходный этап, продолжающий их земное существование. В итоге сформировалось осознание каждым человеком своего священного долга: тщательного соблюдения культовых обрядов, что объединяло народ с умершими родственниками, не исключая при этом их из своего сообщества, и создания определенных сооружений, представлявших живым пристанищами умерших в будущей загробной жизни. При этом на поверхности возводились земляные или каменные курганы.

Впоследствии типы захоронений и погребальные обряды стали основываться уже на этническом видении мира. У номадических народов, проживавших на территориях, где почва была мягкой, человека хоронили, роя могилу в земле, а в горных районах виды погребения были иные: неглубокое плоское захоронение, в связи с твердостью почвы, отталкивающей все от себя (данные о видах погребения приведены в таблице 1). Древние тюрки в могилы помещали не только сами тела умерших, которые после смерти выносили из юрты на войлочных напольных подстилках, удалявшихся затем при захоронении, но также и все необходимое им для дальнейшей загробной жизни: коня, раба, одежду, домашнюю утварь, украшения и др. Сверху все присыпалось землей и камнями в виде насыпи. Вильгельм де Рубрук упоминает, что в культуре древних тюрков погребальные обряды представляли собой захоронения с поминальными оградками, своеобразными курганными надгробиями – портретными каменными бабами [9. С. 102].

Некоторые сохранившиеся балкарские и карачаевские надгробия доказывают их связь со степными тюркскими изваяниями [10. С. 132]. В них угадываются формы половецких каменных баб, которые ставили воинам, погибшим на чужбине. В Балкарии и Карачае сохранились некоторые такие каменные изваяния: менгиры погибшим воинам (вместилища душ умерших) с балбалами – ритуальными камнями по количеству побежденных врагов [11. С. 221]. Также балкарцами и карачаевцами устанавливались усыпальницы-кешене – монументальные наземные склепы из хорошо обработанных камней, предназначавшиеся в основном для знати. Кроме того, «карачаево-балкарский нартский эпос подтверждает установление каменных изваяний как культурным героям (нартам), так и их врагам – эмегенам» [12]. Тувинцы тоже считали, что умершего человека ждет жизнь после смерти: это подтверждается сохранившимися погребальными комплексами на территории Республики Тува.

Типы захоронений у тувинцев практиковались как по шаманским, так и по буддийским традициям, о чем сообщает по результатам своих исследований В.П. Дьяконова [13]. Воздушный тип погребения (на помосте) использовался для признанных шаманов со сверхъестественными способностями, а огненный – для тел служителей буддийского культа, достигших духовных совершенств. Подземный способ погребения предписывался иногда буддистскими служителями, тогда тело умершего хоронили согласно астрологическим показаниям – по преобладанию одного из элементов в момент смерти, вычисленному служителем культа: кремировать, отдать на съедение хищникам или похоронить на кладбище. Под воздействием буддистских воззрений использовался и наземный тип захоронения, например, для людей, умерших от болезней. В XX веке шаманские погребальные обряды переняли внешние признаки буддистских ритуалов (положение тела умершего, поминание на 7-й и 49-й дни после смерти), о чем написано в материалах исследований В.А. Киселя [14].

Различные культово-обрядовые практики являются частями духовных культур этнических сообществ, связывающими действия ритуалов с культом предков. Связь с сакральным миром здесь неоспорима: культовые обряды несут в себе символический культурный код, в котором зашифрованы мировоззрения народов, создавших их в определенный временной промежуток.

Культово-обрядовые практики с элементами жертвоприношений у балкарцев и карачаевцев направлялись на благополучие и сбор урожая, на обеспечение плодородия земли, животных и человека, также различные ритуальные действия совершались на свадьбах, во время пахоты или прихода зимы. Благополучие этих горцев, основным традиционным занятием которых было скотоводство, напрямую зависело от удачного проведения сенокосов для обеспечения животных кормами в длинную и холодную зиму в горной местности. С наступлением холодов проводился обряд «боран келди», означающий «привод вьюги», где ряженные зажигали костры, импровизируя поддерживающее тепло в предстоящей борьбе с суровой горной зимой.

Сначала у балкарцев и карачаевцев практиковались культы охотничьих обрядов, например, культ козла (аксакал/теке), трансформировавшийся со временем в культ плодородия, в котором символом бога плодородия и растительности выступал козел. Это животное считалось жертвенным, так как уносило с собой людские грехи. Ранее такие культово-обрядовые практики с образом козла, как, например, «Эллери Чоппа» проводили на праздниках в честь бога плодородия Чоппе, а «Каратейна» – при угрозе опасности, у постелей раненых или смертельно больных. Сначала в этих ритуальных действиях использовали животное или его чучело, затем эту роль стал исполнять человек в образе козла – своеобразный ритуально-символический обман. Таким образом, культ «смерти и возрождения» бога растительности, характерный для земледельческого периода у этих народов, был ритуалом, символизировавшим рост злаков из семян, брошенных в землю [12. С. 2].

Тувинцы также применяли культово-обрядовые практики, посвященные обеспечению удачной охоты в наступающем промысловом сезоне, на праздниках смены времен года. Промысловый культ и культ духов-покровителей у тувинцев сформировались самостоятельно в дошаманистский период. Считалось, например, что духи одних сросшихся деревьев, имевших своеобразную форму, покровительствовали одиноким странникам, а духи других – служили опорами шаманам. У тувинцев практиковалось почитание священных гор, считавшихся их старшими родственниками, которые одаривали дичью только при уважительном отношении к ним. Важным было и почитание целебных водоемов «аржаанов».

Таким образом, как балкарцы и карачаевцы, проживающие на территории Северного Кавказа, так и тувинцы, населяющие Юг Сибири, являются потомками степных кочевников. При этом они продолжительное время сохраняли как традиционный для своих предков тип хозяйствования – скотоводство (овцеводство), которому благоприятствовало множество пастбищ; пищевые предпочтения, традиционные для всех тюркоязычных народов – продукты животноводства; народные промыслы (валяние войлока, которым устилали стены, полы и полки внутри жилища и др.), приведенные в таблице 2, так и элементы культово-обрядовых практик, рассмотренные ранее в таблице 1. Множество фактов подтверждают, что мировидение этих тюркоязычных народов сформировалось главным образом в процессе их этногенеза, то есть тюркский компонент оказался определяющим в их традиционных культурах.

Таблица 2

Сравнительные признаки бытовых особенностей
балкарцев, карачаевцев и тувинцев

Признаки	Тувинцы	Балкарцы и карачаевцы
Жилища	Разборные и переносные юрты с деревянным каркасом, обшитые войлоком снаружи и внутри. Пол внутри застилали войлоком и шкурами	Потеррасные поселения, врезанные в горные склоны, в виде каменных или деревянных домов (сакли) с внутренним войлочным покрытием
Традиционные занятия, промыслы и ремесла	Западные тувинцы – кочевое скотоводство, пашенное земледелие, охота, собирательство. Изготовление войлока для покрытия юрт, коврики и матрацы, кузнечное, столярное, шорное ремесла. Восточные тувинцы-тоджинцы – охота и олениводство	Отгонное скотоводство, охота, собирательство, пчеловодство, горное террасное пашенное земледелие, охота. Выделка войлоков, бурок, сукон, обработка кожи и дерева, солеварение, добыча серы и свинца, изготовление пороха и пуль, золотошитье
Пищевые предпочтения	Как у всех кочевых народов: продукты животноводства – молоко и мясо, в основном баранина	
Фольклор	Тувинский героический эпос	Нартский эпос

Изменения религиозных практик в глобализирующемся мире. «В дальнейшем на религиозный стереотип балкарской и карачаевской культур – культур северокавказских тюрков, отделившихся от тюркского массива, как пишет Л.К. Текеева [15. С. 10], повлияли длительность их проживания в окружении разноязычных этногрупп, степень интенсивности межэтнических контактов и историческое прошлое». В период Аланского царства предки балкарского и карачаевского этносов исповедовали христианство. Монголо-татарское нашествие на территорию современного Северного Кавказа разрушило бытующую в тот период религиозную систему: христианство сменилось магометанством. С принятием ислама у балкарцев и карачаевцев «...многие тенгрианские обряды продолжали существовать наряду с обрядами новой религии, почитание тенгрианских богов сохранялось» [12. С. 24]. При уничтожении предметов доисламских верований значения их нивелировались, но традиции, выработанные и транслируемые из поколения в поколение, не утрачивались.

Так же происходило формирование специфичной этноконфессиональной идентичности у других народов: например, буддизма у одной части тувинцев, принесенного в Туву монголами и тибетцами, и неошаманизма у другой ее части. Об истоках традиционного шаманизма у тувинцев исследователь Н.О. Товуу в своей статье пишет, что христианство, ислам и буддизм недостаточно сильно утвердились здесь потому, что «народ тыва в силу своей компактности проживания, географической изолированности от других цивилизаций, в силу своей малочисленности сохраняет шаманизм как верование в «слитность с природой» [16. С. 3361]. Над племенами тыва, кочевавшими в горных территориях Алтая, Саян и Танну-Ола и находившимися продолжительное время под властью маньчжурских правителей Китая, долго не могло утвердиться их господство, но в итоге определенная часть тувинцев приняла их религиозные воззрения – тибетский буддизм. Буддизм в форме ламаизма, принесенный из соседней Монголии, был официально принят на территории Тувы с середины XVIII века и адаптирован тувинцами к своему миропониманию, однако в основном были использованы лишь ритуальные практики буддизма. На тибетском языке, непонятном основной массе населения, ведутся религиозные чтения, поэтому философские основы учения недоступны [16. С. 3361]. О важности «понимания особенностей функционирования буддийского учения сегодня среди его последователей в Туве» проведено исследование авторами Ч.К. Ламажаа, У.П. Бичелдей и А.В. Монгуш [17. С. 136].

Таким образом, в этом разделе статьи автором обосновано утверждение, что теизм в качестве религиозного воззрения предков тюркоязычных народов является культурообразующим основанием, достаточно красноречиво раскрывающим мировоззрения этих этносов, а следовательно, общего для каждого из исследуемых народов.

Сравнительный анализ. Согласно методу У. Уорнера сверхъестественный контекст иррационален и нелогичен, эмпирически не подтвержден, но при всем прочем, благодаря коллективной памяти, обладает бесспорной реальностью и действенностью. У. Уорнер классифицировал религиозно-мифологические феномены на верования (мифы, сказания, легенды и др.) и ритуальные обряды в виде символической взаимозависимости словесного (веры в сакральную силу слова), действенного и материального компонентов. И то, и другое, и третье обеспечивало связь людей с их богами. Таким образом, прослеживается взаимосвязывающее влияние духовного (веры) и материального (культуво-обрядовых практик: культ предков, погребальных и ритуальных действий) [1. С. 16]. Используя данный метод для анализа трансформации в культуво-обрядовых практиках этносов, происходивших на протяжении веков и сохранивших некоторые элементы в период глобализации, можно сделать вывод о том, что теизм (тенгрианство) является базовым элементом, связывающим между собой разные поколения исследуемых тюркоязычных народов, способствуя тем самым преемственности коллективного опыта. На основе проведенного компаративного анализа культуво-обрядовых практик балкарцев, карачаевцев и тувинцев можно отметить, что между иссле-

двумя тюркоязычными народами прослеживается не только общее, которое способствует большему пониманию между этносами, но и особенное, что делает их неповторимыми.

Предками как балкарцев и карачаевцев, так и тувинцев являются тюркоязычные племена Центральной Азии. Следовательно, эти народы имеют общие тюркские корни, которые проявляются не только в языке (тюркская группа алтайской семьи), традиционных занятиях, промыслах, ремеслах и пищевых предпочтениях (данные приведены в таблице 2), но и в их религиозных воззрениях, сохранивших следы тейризма – религии древних тюрков (данные приведены в таблице 1). Например, в идентичном отношении к смерти, прослеживаемом в похожих элементах культов предков. Ранее это проявлялось в устанавливаемых могильных камнях, в типах захоронений (подземном и наземном – обкладывании камнями), в поклонении объектам природы. Некоторые элементы этих культов со схожими функциями сохранились у этих народов и в настоящее время.

Помимо тюркского компонента в этногенезе каждого из этих народов имеются и другие составляющие, повлиявшие на процессы формирования их культур и верований. Влияние народов, участвовавших в их этническом развитии, а также окружавших их территориально, способствовало непохожим путям в выборе религиозных воззрений. Изначально тувинцы приняли шаманизм, а с приходом монголов – тибетский буддизм. Балкарцы и карачаевцы после непродолжительного периода христианства приняли ислам. Но у тех и других наблюдается религиозный синкретизм, т.е. наличие множественных элементов домусульманских или дошаманских/добуддистских верований, которые остались и в современных религиозных воззрениях, хотя и в трансформированном виде. Можно сказать, что исследуемые народы имеют в своих современных религиях общие элементы тейризма, хотя и исповедуют совершенно разные религии.

Сакральный аспект тейризма культово-обрядовых практик (комплекс культа предков с погребально-ритуальными обрядами) сохранился как в балкарской и карачаевской культурах, так и в тувинской до сих пор. При этом он является тем характерным базовым элементом, который формирует пространство для культурных взаимодействий на равноправной основе, то есть в межрелигиозной диалоговой форме.

Выводы. Древний человек, оказавшись наедине с пугающей его силой окружающего мира и непонятными ему законами Вселенной, помимо благоговения перед ними и чувства единства с ними, испытывал страх и боязнь наказания, но при этом надеялся на «благополучную» жизнь после смерти. Такие ритуалы культово-обрядовых практик, как жертвоприношения, постройка святилищ, поклонение умершим, следование законам культа предков и выполнение погребально-ритуальных обрядов, имело символическое сакральное значение для верующих. Современные религиозные миры (исламский или неошаманистский/буддийский) видоизменяются, используя цивилизационные новшества, но элементы тейризма в качестве сакрального аспекта остаются в религиозных практиках.

Для древних тюрков главным первоэлементом мироздания было Небо, которое, пройдя персонификацию, стало богом Тейри. Затем их религиозно-мифологические воззрения прошли ряд трансформаций и постепенно из древних пластов тюркской мифологии у этих этносов сложились собственные религиозные системы. Так, у балкарцев и карачаевцев это имело синкретичный характер: современный ислам, принятый когда-то на Северном Кавказе, не смог вытеснить почитание Тейри из их жизни. У определенной части тувинцев сохранился шаманизм, который трансформировался в достаточно новое религиозное направление – неошаманизм, оторванный от взаимосвязи человека с природой, так как основан на индивидуализме и урбанизме. Это явление также можно рассматривать как синкретическую форму нового религиозного сознания, которая формировалась путем перерождения и видоизменения от традиционного шаманизма.

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что трансформации в религиозных системах неизбежны, но определенные традиции (например, в религиозных воззрениях) обеспечивают устойчивость этносов с сохранением их цивилизационного единства в современном мире. Проведенный сравнительный анализ культово-обрядовых практик исследуемых тюркоязычных народов позволяет реконструировать культуру этноса как единую символическую систему с подсистемами адаптации к окружающей природе и регуляции внутренней жизни.

Литература

1. Уорнер У.Л. Живые и мертвые / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.; СПб: Университетская книга. 2000. 671 с.
2. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
3. Тюркские народы Восточной Сибири / сост. Д.А. Функ; отв. ред.: Д.А. Функ, Н.А. Алексеев. М.: Наука. 2008. 421 с.
4. Анайбан З.В., Маннай-оол М.Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 19–37.
5. Лавров Л.И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). / под ред. М.Ж. Тхашокова, К.Ш. Балкарова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. С. 62–69.
6. Малкондуев Х.Х. Мифология балкарцев и карачаевцев. / Фольклор народов Карачаево-Черкесии: жанр и образ: сб. научных трудов. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики. 1988. С. 24–40.
7. Мижит Э.Б. Тенгрианство в тувинской мифологии // Международный фонд исследования Тенгри. II-я Международная научно-практическая конференция «Тенгрианство и эпическое наследие кочевников Евразии: истоки и современность», 19–20 февраля 2009, Монголия, Улан-Батор. 2009. <https://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengrianstvo-v-tuvinskoj-mifologii>
8. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М: Наука, 1989. С. 357–358.
9. Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253 / Путешествие в Восточные страны Платона Каприни и Рубрука. Перевод А.И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 87–194.
10. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1982. 175 с.
11. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993. 178 с.
12. Боташева З.Б. Истоки карачаевского и балкарского театра // Дис. ... канд. искусствоведения. М: Российская академия театрального искусства. 2001. 207 с.
13. Дьяконова В.П. О погребальном обряде тувинцев / Труды ТКАЭЭ. Т. II. М.; Л. 1966. С. 56–80.
14. Кисель В.А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – начало XXI в. СПб.: Наука. 2009. 142 с.
15. Текеева Л.К. Зоолатрия в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2006. 23 с.
16. Товуу Н.О. Традиционное верование тувинцев: этнические особенности // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 4. С. 3356–3364.
17. Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. 2020. №4. С. 135–155. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10

The Sacred Aspect of Teirism in the Religious Practices of the Balkars, the Karachays and the Tuvans

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2022, 2 (85), 109–120.
DOI: 10.24412/2070-075X-2022-2-109-120

Galina V. Semina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: semina_galya@mail.ru

Keywords: ancestor cult, funeral and ritual rites, Tengrianism, Islam, Shamanism, Tibetan Buddhism.

The cultures of the Turkic-speaking peoples that are part of the Russian Federation and live both in the North Caucasus (the Balkars, the Karachays) and in the South of Siberia (the Tuvans) have much in common, which, according to the author, may be traced in the cult and ritual practices of the studied peoples. Without an understanding of the common and the peculiar in the self-identification of each ethnic group, it is impossible to conduct a reasonable cultural policy, in which knowledge of ethno-confessional specifics is one of the fundamental requirements. A comparative analysis of the sacred aspect of teirism in cult and ritual practices among such Turkic-speaking peoples as the Balkars, the Karachays and the Tuvans has not been previously conducted. This comparative analysis was carried out for the first time. There are many similar studies separately in the works of domestic Caucasian scholars (L.I. Lavrov, A.Ya. Kuznetsova, Kh.Kh. Malkonduev, Kh.Kh. Bidzhiev, Z.B. Botasheva, L.K. Tekeeva) and Tuvinologists (V.P. Dyakonova, V.V. Radlov, V.A. Kisel, Z.V. Anayban, M.Kh. Mannay-ool, E.B. Mizhit, N.O. Tovuu). The studies of these domestic researchers became the basis for this analysis. The aim of this work is to search for and substantiate the common and the peculiar in the cult and ritual practices of the Balkars, the Karachays and the Tuvans as descendants of the ancient Turks. The study considers teirism as a culture-forming basis that defines these peoples. The object of the study is the sacred aspect of teirism in cult and ritual practices (a complex of the cult of ancestors with funeral and ritual rites). In this paper, the author identifies the Turkic component in the ethnogenesis of the Balkars, the Karachays and the Tuvans, which formed the Tengrian worldview; analyzes the sacred aspect of teirism in the cult and ritual practices of traditional cultures of the studied ethnic groups; compares the studied features; reveals the common and the peculiar; indicates the variability of religious views in the post-Teirist period. The methodological basis of the study was a comparative method and the method of studying the symbolic life of society by William Lloyd Warner, who considered the supernatural context as one of the sacred aspects of culture – the interconnecting influence of the spiritual (faith) and the material (cult and ritual practices: the cult of ancestors, funeral and ritual rites). The author concludes that the sacred aspect of the teirism of cult and ritual practices, which has survived to this day in the analyzed cultures, is the characteristic basic element that forms the space for cultural interactions on an equal basis, that is, in an interreligious dialogue form.

References

1. Warner, W.L. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Translated from English by V.G. Nikolaev. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
2. Alekseev, V.P. & Gokhman, I.I. (1984) *Antropologiya aziatskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.
3. Funk, D.A. (2008) *Tyurkskie narody Vostochnoy Sibiri* [Turkic peoples of Eastern Siberia]. Moscow: Nauka.
4. Anayban, Z.V. & Mannay-ool, M.Kh. (2013) Proiskhozhdenie tuvintsev. Istoriya voprosa [The origin of the Tuvans. Background]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 19–37.